

5. Пьеса с двумя паузами для сакс-баритона

**Металлический зов в полночь
слетает с Петропавловского собора,
из распахнутых окон в переулках
мелодически звякают деревянные часы комнат,**

в радиоприемниках звучат гимны.
Все стихает.
Ровный шепот девушек в подворотнях
стихает,

и любовники в июле спокойны.

Изредка проезжает машина.
Ты стоишь на мосту и слышишь,
как стихает, и меркнет, и гаснет
целый город.

Ночь приносит
из теплого темно-синего мрака
желтые квадратики окон
и мерцанье канала.

Играй, играй, Диззи Гиллеспи,
Джерри Маллиган и Ширинг, Ширинг,
в белых платьях, все вы там в белых платьях
и в белых рубашках
на сорок второй и семьдесят второй улице,
там, за темным океаном, среди деревьев,
над которыми с зажженными бортовыми огнями
летят самолеты,
за океаном.

Хороший стиль, хороший стиль
в этот вечер,
Боже мой, Боже мой, Боже мой, Боже мой,
что там вытворяет Джерри,
баритон и скука и так одиноко,
Боже мой, Боже мой, Боже мой, Боже мой,
звук выписывает эллипсоид так далеко за океаном,
и если теперь черный Гарнер
колотит руками по черно-белому ряду,
все становится понятным.

Эррол!

Боже мой, Боже мой, Боже мой, Боже мой,
какой ударник у старого Монка
и так далеко,
за океаном,
Боже мой, Боже мой, Боже мой,
это какая-то охота за любовью,
все расхватано, но идет охота,
Боже мой, Боже мой,
это какая-то погоня за нами, погоня за нами,
Боже мой,

кто это болтает со смертью, выходя на улицу,
сегодня утром.

Боже мой, Боже мой, Боже мой, Боже мой,
ты бежишь по улице, так пустынно, никакого шума,
только в подворотнях, в подъездах, на перекрестках,
в парадных,

в подворотнях говорят друг с другом,
и на запертых фасадах прочитанные газеты оскаливают
заголовки.

Все любовники в июле так спокойны,
спокойны, спокойны.